
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.01.06

РАНЧИН А.М.¹ НАУЧНЫЙ КВЕСТ. – Рец. на кн.: БОБРОВ А.Г. ЕФРОСИН БЕЛОЗЕРСКИЙ В ПОИСКАХ РАЯ. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 270 с.

Аннотация. В рецензируемой книге известного медиевиста, построенной как своеобразный научный квест, или детектив, предложена новаторская реконструкция биографии известного древнерусского книжника, кирилло-белозерского монаха Ефросина. Автор аргументированно отождествляет его с князем Иваном Шемячином и доказывает, что в конце жизни Ефросин перебрался в Москву и был похоронен на кладбище при церкви Жен Мироносиц в Зарядье. А.Г. Бобров подробно прослеживает интерес Ефросина к приготовлению освященного мира – масла, используемого в церковных ритуалах. Внимание к темам блаженных восточных земель, в частности Индии, и земного Рая, отразившееся в таких переписанных его рукою сочинениях, как Сказание об Индии, Послание о Рае Василия Калики Феодору Тверскому, Плач Адама, Сербская Александрия, Слово о рахманех – выписка из Хроники Георгия Амартола, ученый объясняет как богословскими и социальными взглядами книжника, интересовавшегося блаженством, достижимым в земном существовании, и устройением справедливого и совершенного общества, так и любопытством по отношению к странам, где произрастают специи, необходимые для мироварения. А.Г. Бобров, предполагающий знакомство Ефросина с Афанасием Никитиным, автором знаменитого Хождения, выдвигает гипотезу, согласно которой целью путешественника, являвшегося эмиссаром

¹ Ранчин Андрей Михайлович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; aranchin@mail.ru

московского и тверского князей, изначально могла быть Индия, где он собирался искать специи, необходимые для приготовления мира. Исследователь вносит существенные коррективы в традиционные представления о маршруте тверитянина в Индии. Далеко не все гипотезы и предположения автора книги о Ефросине Белозерском представляются убедительными. Но часть из них подкреплена весьма сильными доказательствами либо как минимум заслуживает внимания. Книга, содержащая идеи, небезосновательно претендующие на роль научных открытий, – безусловно ценное исследование, знакомство с которым необходимо ученым-медиевистам и преподавателям древнерусской словесности и будет полезно всем, кто углубленно интересуется средневековой русской литературой и историей.

Ключевые слова: древнерусская литература; атрибуция; текстология; Ефросин Белозерский; Вассиан Патрикеев; Афанасий Никитин.

Для цитирования: Ранчин А.М. Научный квест [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 1. – С. 85–97. – Рец. на кн.: Бобров А.Г. Ефросин Белозерский в поисках Рая. – Санкт-Петербург : Алетей, 2023. – 270 с. – DOI: 10.31249/lit/2025.01.06

Получена: 06.11.2024

Принята к печати: 30.11.2024

RANCHIN A.M.¹ Science quest. Book review: Aleksandr Bobrov. Efrosin Belozerskii in Search of Paradise

Abstract. The book under review by the famous medievalist, built as a kind of scientific quest or detective story, offers an innovative reconstruction of the biography of the famous ancient Russian scribe, the Kirillov-Belozersk monk Efrosin. The author convincingly identifies him with Prince Ivan Shemyachich and proves that at the end of his life Euphrosynus moved to Moscow and was buried in the cemetery at the Church of the Myrrh-Bearing Women in Zaryadye. A.G. Bobrov traces in detail Efrosin's interest in the preparation of consecrated myrrh – oil used in church rituals. The scribe's attention to the themes of the blessed eastern lands, in particular India, and the earthly Paradise, reflected in such works copied by his hand as the Tale

¹ **Ranchin Andrey Mikhailovich** – DS in Philology, Leading Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; aranchin@mail.ru

of India, the Epistle about Paradise of Vasilii Kalika to Feodor Tversky, the Lamentation of Adam, Serbian Alexandria, the Word about the Rakhmaneh – an extract from the Chronicle of George Hamartolos, the scholar explains both by the theological and social views of the scribe, who was interested in the bliss attainable in earthly existence and the structure of a just and perfect society, and by curiosity about the countries where the spices necessary for the preparation of the chrism grow. A.G. Bobrov, assuming that Efrosin was acquainted with Afanasii Nikitin, the author of the famous Journey, puts forward a hypothesis according to which the goal of the traveler, who was an emissary of the Moscow and Tver princes, could initially have been India, where he was going to look for the spices necessary for the preparation of the chrism. The researcher makes significant adjustments to the traditional ideas about the route of the Tver resident in India. Not all of the author's hypotheses and assumptions about Efrosin of Belozersk seem convincing. But some of them are supported by very strong evidence or at least deserve attention. The book, containing ideas that have good reason to claim the role of scientific discoveries, is undoubtedly a valuable study, familiarity with which is necessary for medieval scholars and teachers of Old Russian literature and will be useful to anyone who is deeply interested in medieval Russian literature and history.

Keywords: Old Russian literature; attribution: textual criticism; Efrosin Belozerskii; Vassian Patrikeev; Afanasii Nikitin.

To cite this article: Ranchin, Andrey M. "Science quest. Book review: Aleksandr Bobrov. Efrosin Belozerskii in Search of Paradise", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2025, pp. 85–97. DOI: 10.31249/lit/2025.01.06 (In Russian)

Recieved: 06.11.2024

Accepted: 30.11.2024

Насельник Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин – книжник, хорошо известный исследователям древнерусской словесности: он был переписчиком и, очевидно, редактором целого ряда переводных и оригинальных древнерусских произведений – Сербской Александрии, Сказания об Индийском царстве, Хожения игумена Даниила, Краткого и Пространного сказаний о Соломоне и Китоврасе, Повести о Дракуле, Краткой редакции Задонщины и других, – причем это самые ранние списки известных памятников. Вероятно, он был также составителем независимой летописи – Кирилло-Белозерского свода начала 1470-х годов. Уже поэтому уста-

новление новых сведений о Ефросине обладает большой научной значимостью. «Книга представляет собой научное исследование, посвященное судьбе древнерусского монаха XV столетия, но построена она по законам детективного жанра. В начале повествования обнаруживается возможное место захоронения персонажа, и далее в обратной хронологической перспективе реконструируются его биография и творческий путь», – сообщается в аннотации, содержащейся в рецензируемой монографии [Бобров, 2023, с. 4]. Действительно, книга известного медиевиста, сотрудника отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН построена как своеобразный ученый детектив, или научный квест. Анализируя изображение кентавра на внутренней стороне донца глиняного сосуда с остатками еля, обнаруженного в безымянной могиле начала XVI столетия, которая была открыта недалеко от Московского Кремля, в Зарядье, исследователь отождествляет погребенного с монахом Кирилло-Белозерской обители Ефросином, в чьей рукописи имеется очень похожий рисунок полузверя-получеловека. Необычные изображения диковинного существа (у обоих кентавров в руке меч, а на голове венец) он трактует как княжеский знак-эмблему, а рассмотрение нескольких записей Ефросина, свидетельствующих об особом внимании к судьбам князя Звенигородского и Галичского Юрия Дмитриевича (одного из сыновей Дмитрия Донского) и его злосчастного сына Дмитрия Шемяки, а также к ярославской и смоленской ветвям рода Рюриковичей, приводит ученого к мысли, что под монашеской ризой Ефросина скрывался принявший постриг Шемякин сын Иван: ведь мать Ивана Шемячича была из ярославских князей, а бабка – из смоленских.

Система доказательств А.Г. Боброва весьма нетривиальна и в части реконструкции Ефросиновой биографии в целом убедительна. Он обращает внимание на обнаружение именно в погребениях у церкви Жен Мироносиц в Зарядье большого числа сосудов для остатков еля, используемого в таинстве соборования. Исходя из этого факта и учитывая редкое посвящение храма, автор книги делает вывод: «...именно здесь в конце XV – начале XVI в. могли готовиться “вещества таинств” – священный елей и приготавливаемое на его основе священное миро» [Бобров, 2023, с. 10]. Тождество погребенного в Зарядье с кирилло-белозерским книжником устанавливается не только благодаря совпадению раритетных изображений кентавра: оно подкрепляется с помощью указания на особенный интерес Ефросина к приготвлению священного мира – он был переписчиком пространного Чина мирования, за кото-

рым в этой рукописи следовал рецепт приготовления мира. Самостоятельное приготовление мира – освященного ароматического масла, используемого в таинстве миропомазания и в ряде других церковных ритуалов, являлось одним из признаков церковной независимости – автокефалии, обретенной Русью в 1448 г.: прежде миро доставлялось из Константинополя. Таким образом, Ефросин, непосредственно причастный к этой процедуре, оказывается весьма значительной фигурой русской церковной истории.

Гипотеза о тождестве Ефросина с князем Иваном Шемячи-чем, высказанная первоначально в серии статей в 2000–2010-х годах¹, была недавно поддержана С.А. Шаровым-Делоне, обратившим внимание на монограмму книжника, находящуюся под миниатюрой с кентавром-«Китоврасом»: имя ЕФРѢСИНЪ, изящно вписанное в букву омега². I десятиричное и омега написаны вместо принятых в написании этого имени и восьмеричного и о (онъ), зато они точно соответствуют правильному написанию имени ІВАННЪ, с которым был крещен сын Шемяки. А.Г. Бобров, сославшийся в книге на эту важную для него интерпретацию, впрочем, указал, что последние согласные в монограмме, выглядящие как НИ (то есть нн), могут быть прочитаны несколько иначе: «...в рукописях встречается авторское написание “Ефросимъ”, а обсуждаемая буква не только выглядит как “М”, но и является ею в первом прочтении (дающем читателю ощущение разгаданной загадки), и отзеркаленным “N” – во втором прочтении (более сокровенном)» [Бобров, 2023, с. 188].

¹ См.: Бобров А.Г. Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинока Ефросина Белозерского : (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси : Кирилло-Белозерский монастырь. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. – С. 94–172; Бобров А.Г. Упоминания русских князей XIV–XV веков в автографах Ефросина Белозерского // Книжные центры Древней Руси : Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. – Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2014. – С. 155–172; Бобров А.Г. Китоврас Ефросина Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2017. – Т. 65. – С. 423–449.

² См.: Шаров-Делоне С.[А.]. Монограмма Ивана Шемячи – Ефросина Белозерского (В доказательство гипотезы А.Г. Боброва) // Несториана / Nestoriana [электронный ресурс]. – URL: <https://wp.me/p2lpKD-1nc> (дата обращения: 07.11.2024); Шаров-Делоне С.[А.]. Иван=Ефросин? // Несториана / Nestoriana [электронный ресурс]. – URL: <https://wp.me/p2lpKD-1ro> (дата обращения: 07.11.2024).

Переезд Ефросина с Белоозера в Москву автор книги связывает с переселением в столицу кирилловского инока Вассиана Патрикеева, ставшего одним из приближенных Василия III. Вассиан, автор полемических сочинений, один из наиболее ярких приверженцев нестяжательства, был, как доказывает А.Г. Бобров, учеником Ефросина. Выписки некоего весьма эрудированного белозерского «книжника ИКС» из Ефросиновых рукописей ученый аргументированно атрибутирует Вассиану, поскольку этой же руке принадлежит список содержащейся в одном из кирилло-белозерских сборников Генеалогии литовских князей, в которой особое внимание уделено линии князя Патрикия; Вассиан же был в миру, до опалы и насильственного пострига, князем Василием Ивановичем Патрикеевым. Вернувшись в Москву, он позвал за собой Ефросина. Таким образом, исследование А.Г. Боброва позволяет по-новому представить биографию не только Ефросина, но и еще одного замечательного древнерусского книжника. Правда, почерк Вассиана достоверно неизвестен, и чисто теоретически нельзя исключить, что Генеалогия, составленная князем-иноком, дошла до нас в копии рукой другого белозерского монаха. Однако такое допущение, учитываемое, но отвергаемое ученым, действительно выглядит очень слабым: «Рукописи “книжника Икс” относятся к самому началу XVI в., когда Вассиан Патрикеев жил в Кирилло-Белозерском монастыре, и вряд ли он допустил бы посторонних лиц к своей “личной” информации» [Бобров, 2023, с. 46].

А.Г. Бобров подробно прослеживает интерес Ефросина к темам блаженных восточных земель, в частности Индии, и земного Рая, отразившийся в таких переписанных его рукою сочинениях, как Сказание об Индии, Послание о Рае Василия Калики Феодору Тверскому, Плач Адама, Сербская Александрия, Слово о рахманех – выписка из Хроники Георгия Амартола. Внимание к этой тематике автор монографии объясняет как богословскими и социальными взглядами книжника, интересовавшегося блаженством, достижимым в земном существовании, и устройством справедливого и совершенного общества, так и любопытством по отношению к странам, где произрастают специи, необходимые для миропарения.

Рассматривая Послание о Рае, А.Г. Бобров высказывает сомнительное и никак не аргументированное предположение, к тому же противоречащее его дальнейшим соображениям: «Можно сказать, что Послание Василия Калики в 1460-х гг. внезапно “обретается” в рукописных книгах этой (Кирилло-Белозерской. – А. Р.)

обители. Позволим себе высказать догадку, что “Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о Рае” является псевдоэпиграфом, и что написание этого произведения принадлежит Ефросину Белозерскому. Конечно, его авторство вряд ли доказуемо и остается догадкой, но участие Ефросина в редактировании Послания о Рае может быть обосновано текстологическими аргументами. Версия произведения, представленная в сборнике Ефросина и в Софийской первой летописи, согласно исследованию Г.А. Лончаковой, является переработкой первоначальной, долетописной “Архетипной” редакции, сохранившейся в Томском списке XVII в.¹» [Бобров, 2023, с. 149], сохранена пунктуация цитируемого издания.

И автор, и адресат Послания – иерархи Церкви, жившие всего лишь лет за сто до Ефросина, архиепископ Василий ссылается на новгородцев, некогда достигших границ Рая: «А то мѣсто святаго рая находил Моислав-новгородец и сын его Ияков <...>»². Представить себе, что имена и подробности путешествия новгородцев были вымышлены Ефросином, невозможно: древнерусская словесность не допускала такого откровенного вымысла. Что же касается соображений А.Г. Боброва относительно редактирования белозерцем Послания Василия, то их можно признать верными, если принять, как это делает автор книги, аргументы Г.А. Лончаковой в пользу вторичности текста в записи Ефросина. Действительно, вторичные в сравнении с так называемой Архетипной редакцией чтения версии кирилловского книжника обнаруживают лексическое сходство с выражениями, встречающимися в других переписанных им сочинениях. Однако если ефросиновский текст Послания не является первоначальным, автором этого произведения он, естественно, быть не мог.

Научная новизна книги А.Г. Боброва не ограничивается идеями и истолкованиями, относящимися к биографии белозерского книжника и его рукописям. Самой смелой и радикальной стоит признать интерпретацию Хождения за три моря Афанасия Никитина. Если традиционно его автор считался тверским купцом, а посещение им Индии – следствием движения от рынка к рынку, а

¹ Лончакова Г.А. Сборник Q.П.33 из Томского собрания и Архетипная редакция Послания о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики // Библиосфера. – 2009. – № 1. – С. 89–93. – Прим. А.Г. Боброва. – А. Р.

² Библиотека литературы Древней Руси. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – Т. 6 : XIV – середина XV века. – С. 46.

не изначальной целью маршрута¹, то А.Г. Бобров доказывает, что Афанасий изначально шел именно в Индию и путешествие он предпринял по желанию или повелению одновременно великого князя Московского Ивана III и великого князя Тверского Михаила Борисовича и его окружения и по благословию тверского епископа Геннадия; целью путешествия был сбор сведений о специях, необходимых для приготовления священного мира. Купцом он себя нигде не называет, а именуется он так только книжником-редактором в одной из версий текста, в Летописном изводе Хожения.

Ученый справедливо указывает на свидетельства особого положения путешественника: «В “Хожении” обращают на себя внимание несколько деталей, странных, если принять традиционную точку зрения на Афанасия Никитина как на разорившего (так! – А. Р.) небогатого торговца, идущего “куда глаза глядят”. Вот перечень “странностей” такого рода.

1) Герой выезжает в поездку из Твери не просто сам по себе, а “от великого князя... и от владыки”. <...>

2) Уже на Каспии по просьбе Афанасия Никитина один восточный правитель специально поехал к другому “на гору”, чтобы тот помог освободить русских пленных, и это мероприятие увенчалось успехом.

3) Афанасий Никитин утверждает, что истратил на жеребца 100 рублей (1 рубль = 200 денег по 0,4 грамма серебра, значит, затраты эквивалентны 8 кг серебра). Это огромная сумма для того времени, которой не могло быть у разорившегося торговца.

4) Когда уже в Индии, в Джуннаре, хан отобрал упомянутого жеребца и под угрозой смерти потребовал, чтобы Афанасий перешел в ислам, за русского путешественника успешно заступает некий влиятельный хоросанец (житель Хоросана, среднеазиатского мусульманского государства).

Все эти “странности” говорят о том, что Афанасий Никитин – не брошенный судьбой неизвестно куда торговец <...> а совсем не бедный человек, вхожий в “высшие круги” власти, имеющий влиятельных покровителей и защитников» [Бобров, 2023, с. 123].

¹ Ср., например: «Можно думать, что его путешествие как целое сложилось в результате ряда отдельных ограниченных решений, которые в каждом из случаев побуждали его продолжить путь до еще одного рынка» (Ленхофф Г.Д., Мартин Дж.Б. Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1993. – Т. 47. – С. 120).

Наконец, сам жанр Хождения, по мысли А.Г. Боброва, похож на посольский «статейный список»: «Само литературное сочинение Афанасия – это, скорее, не заметки для себя и для потомков, а написанный талантливо и неформально посольский отчет» [Бобров, 2023, с. 124].

Эти наблюдения во многом справедливы, хотя охранные грамоты от московского и тверского князей могли бы потребоваться и купцу, а не только лицу с «полупосольским» статусом. Да и благословение у епископа как будто бы мог получить и торговец. Сам Афанасий, действительно, ни разу не называет себя купцом. Но определение его как купца книжником, использовавшим текст Хождения, все же показательное: оно свидетельствует, что для современника косвенные данные, содержащиеся в тексте, были достаточным основанием, чтобы сделать такое заключение. И, наконец, сочинение тверитянина не имеет практически ничего общего с посольскими отчетами, в которых нет места ни наблюдениям о быте и нравах посещенной страны, ни изложению ее преданий, ни ламентациям по поводу трудности сохранить православную веру в Индии, ни, конечно же, креолизированным арабско-тюркским мусульманским молитвам. Ни в одном посольском «статейном списке» мы не найдем ничего подобного таким записям Афанасия, как: «И тутъ есть Индѣйскаа страна, и люди ходятъ нагы всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходятъ брюхаты, дѣти родятъ на всякый год, а детей у нихъ много, а мужы и жены всѣ черны; язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся бѣлому челоуѣку. А князь их – фота на головѣ, а другаа на бедрах; а бояре у них ходятъ – фота на плещѣ, а другая на бедрах, а княгыни ходятъ – фота на плечемъ обогнута, а другаа на бедрах; а слугы княжия и боярьскыя – фота на бедрахъ обогнута, да щит да меч в руках, а иныя с сулицами, а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с луки и стрелами; а всѣ нагы, да босы, да болкаты; а жонки ходятъ голова не покрыта, а груди голы; |а паропкы да девочки ходят нагы до 7 лѣтъ, а сором не покрытъ»¹. Невозможен в посольском отчете и такой пересказ индийских преданий о птице гукук и об обезьяньем воинстве: «Есть в томъ Алянде и птица гукукъ, летаетъ ночи, а кличетъ “гукукъ” А на которой хороминѣ сѣдять, то тут челоуѣкъ умреть; а

¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 13–14. Здесь и далее цитируется текст Троицкого списка.

кѣто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть. А мамонь ходят ноци да имають куры, а живутъ въ горѣ или в каменье. А обезьяны то тѣ живутъ по лесу, да у нихъ есть князь обезьяньскій, да ходить ратию своею, да кто ихъ занимаетъ, и они ся жалуютъ князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они, пришедь на град, и дворы разволяютъ и людей побьютъ»¹. Чужды сухим и строгим отчетам и размышления и сетования наподобие такого: «О благовѣрные христїане! Иже кто по многимъ землямъ много плаваетъ, въ многыя грѣхы впадаетъ и вѣры ся да лишаетъ христїанскыя»². Посольские отчеты совсем не таковы: они обязательно включают указания дней переговоров, состоят из своеобразных «стенограмм» произнесенных речей и завершаются перечнями полученного и истраченного послами «корма»³. Итальянский славист М. Гардзанини высказал идею, что Афанасий Никитин строит свое сочинение, соотнося его с моделью паломнического хождения⁴. Идея эта, на взгляд автора настоящей рецензии, неверна. Но оснований соотносить Хождение за три моря с паломническими сочинениями не меньше (но и не больше!), чем с отчетами послов.

Однако аргументы А.Г. Боброва не ограничиваются перечисленными. Во-первых, исходя из расчета скорости перемещения автора Хождения по Индии, он доказывает: город «Парвата», или «Первоть», посещенный путешественником и названный им индийским подобием Иерусалима и Мекки, – это не храмовый комплекс Шрипарвата, один из центров шиваистского культа (как принято полагать), а комплекс Махабалешвар в Гокарне на берегу Аравийского моря. Упомянутый путешественником портовый город «Келекот» – это Коджикод, расположенный в четырехстах километрах к югу от Гокарны и имевший «в Средние века репутацию “города специй”» [Бобров, 2023, с. 132]. Не случайно рядом с этим упоминанием в Хождении содержится перечень специй, текстуально почти совпадающий с записанным рукой Ефросина. А.Г. Бобров, обосновывающий идею об общем источнике переч-

¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина... – С. 16.

² Там же. – С. 23.

³ См.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки / отв. ред. Д.С. Лихачев. Репринтн. воспр. изд. 1954 года. – Санкт-Петербург: Наука, 2008.

⁴ См.: Гардзанини М. Открытие Востока: «грешное хождение» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. – Т. 61. – С. 518–532.

ней Ефросина и Афанасия, склонен считать, что белозерец и тверитянин могли быть знакомы; в пользу гипотезы о связи автора Хождения с Кирилловым монастырем говорит, по мнению медиевиста, также бытование этого сочинения в летописной традиции, восходящей к составленному в обители своду.

По моему мнению, А.Г. Боброву удалось доказать присутствие в Хождении за три моря несомненного и особенного интереса автора к индийским специям. Кроме того, автор книги привел серьезные аргументы в пользу идеи, что Афанасий Никитин не был обычным купцом. Однако утверждение, что тверитянин изначально намеревался посетить Индию, противоречит прямым его свидетельствам. Рассказывая о последствиях разграбления татарами малого судна, на котором находились, очевидно, его товары («фрухлядь»¹) и товары его попутчиков, и о взятии потом большого судна, Афанасий резюмирует: «И мы заплакавъ да разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные остались в Шамахѣ, а иные пошли работать к Бакѣ.

А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огонь горить неугасимы; а изъ Бакі пошелъ есми за море к Чебокару, да тутъ есми жил въ Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць в Маздраньской земли»². Если бы Афанасий выполнял важную церковно-государственную миссию, у него должны были иметься помощники и он не продолжил бы путешествие в одиночестве. И ему не следовало задерживаться на месяцы в иранских землях после того, как он выяснил, что здесь нет нужных ему специй. Но главное – о том, что изначально он не собирался посещать Индию, путешественник говорит прямо почти в конце своего сочинения:

¹ Слово «фрухлядь», впрочем, кроме значения ‘товары’, имело еще два: ‘движимое имущество, вещи’ и ‘груз’. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 1997. – Вып. 22: (Раскидаться – Рященко). – С. 262. Узкий контекст высказывания в Хождении не исключает употребления слова во втором значении из трех. Но более широкий, в котором говорится о горестных последствиях утраты для Афанасия и его товарищей, свидетельствует в пользу первого значения. Далее путешественник называет утраченные вещи словом «товар» – частичным синонимом древне- и старорусской лексемы «фрухлядь». Ср. соответствующую цитату чуть ниже. В этом контексте слово «товары», очевидно, употреблено в значении, сохраненном в современном языке. См. о значениях лексемы «товар»: Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука ; Азбуковник, 2011. – Вып. 29 : Сулегъ – Тольмиже. – С. 378–379.

² Хождение за три моря Афанасия Никитина... – С. 12–13.

«...азъ же от многыя беды поидох до Индѣи, занже ми на Русь пойти нѣ с чѣмъ, не осталось товару ничево»¹.

Сомнительно частное предположение А.Г. Боброва, тоже связанное с путевыми записками тверитянина. Отметив присутствие в Хождении за три моря и в «Слове о полку Игореве» таких слов, как «безводни», «болван», «боронить», «дебрь», «жемчюг», «истягнуть», «лютый зверь», «оксамит», «поморье», «салтан», «сулицы» и т.д., исследователь заключает: «Эти чтения позволяют предположить, что Афанасий Никитин мог знать текст “Слова о полку Игореве” <...>» [Бобров, 2023, с. 140]. Однако перечисленные лексемы встречаются отнюдь не только в этих двух памятниках древнерусской книжности, в чем легко убедиться, обратившись, например, к любому из словарей древне- и старорусского языков или, например, к шеститомному «Словарю-справочнику “Слова о полку Игореве”»². Показательно, что за 7 лет до издания книги А.Г. Боброва петербургский лингвист-востоковед А.А. Бурькин атрибутировал «Слово» на основании наличия большинства из этих же лексем в нем и в Повести об убиении Андрея Боголюбского Кузьмищу Киянину – ее гипотетическому автору³.

В монографии А.Г. Боброва имеются опечатки и мелкие ошибки, подобные которым, впрочем, встречаются едва ли не в любой книге. Автор верно приводит в тексте инициалы Г.А. Лончаковой при упоминании ее текстологического исследования, но и в сноске, содержащей ссылку на статью, и в ее описании в библиографическом списке первый инициал искажен: «Л.» вместо «Г.» [Бобров, 2023, с. 142, 149, 234]. В «Указателе личных имен» [Бобров, 2023, с. 256] опечатки в инициале нет.

Далеко не все гипотезы и предположения автора книги о Ефросине Белозерском представляются убедительными. Но часть из них подкреплена весьма сильными доказательствами либо как минимум заслуживает внимания. Это немало: книга, содержащая

¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина... – С. 23. Ср. текст Этгерова списка Львовской летописи (там же. – С. 44) и списка Ундольского (Там же. – С. 62).

² См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках / сост. В.Л. Виноградова. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1965–1984.

³ См.: Бурькин А.А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2017. Ср. оценку этой атрибуции: Ранчин А.М. Был ли Кузьмище Киянин автором «Слова о полку Игореве»? // Литературоведческий журнал. – 2024. – № 3 (65). – С. 156–175. – DOI: 10.31249/litzhur/2024.65.11.

идеи, небезосновательно претендующие на роль научных открытий, – безусловно ценное исследование, знакомство с которым необходимо ученым-медиевистам и преподавателям древнерусской словесности и будет полезно всем, кто углубленно интересуется средневековой русской литературой и историей.

Список литературы

1. *Бобров А.Г.* Ефросин Белозерский в поисках Рая. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 270 с.